

Рудольф Штайнер

Духовная наука и социальный вопрос

1905-1906 гг.

Статья из GA 34,
«Люцифер-Гнозис. Основополагающие статьи
по антропософии и материалы из журналов
„Люцифер“ и „Люцифер-Гнозис“»

*Переводчик: Алексей Жилов
Редактор: Кира Езерская*

Б Д Н
Библиотека
духовной
науки

2022

bdn-steiner.ru

Духовная наука и социальный вопрос

1905-1906 гг.

Кто в настоящее время смотрит на окружающий мир открытыми глазами, тот видит, как повсюду могущественно встаёт перед ним то, что называют «социальным вопросом». Тот, кто относится к жизни серьёзно, обязан так или иначе сформировать мысли в отношении этого вопроса. И само собой разумеется, что к социальным запросам современности должен вырабатывать отношение тот род мышления, который ставит себе задачей служение высочайшим идеалам человечества. Именно таким родом мышления стремится стать сегодня наука о духе. Поэтому совершенно естественно, когда спрашивают о её отношении к этому вопросу.

Сначала, однако, может создаться впечатление, что духовная наука не может сказать ничего существенного по поводу социального вопроса. В качестве самой отличительной её черты отмечают прежде всего углубление душевной жизни, пробуждение зрения для духовного мира. Это её стремление признаёт, при непредвзятом рассмотрении, даже поверхностно знакомый с идеями, распространяемыми духовнонаучными докладчиками и писателями. Гораздо труднее увидеть, что это стремление имеет в настоящее время *практическое*¹ значение, и в особенности нелегко пролить свет на его связь с социальным вопросом. Чем может помочь социальным бедствиям, — спросит кто-то, — наука, говорящая о «перевоплощении», «карме», «сверхчувственном мире», «происхождении человека» и тому подобном? Это направление мысли может казаться уносящим прочь от всякой реальности в заоблачные дали, в то время как сегодня перед каждым стоит насущная задача собрать воедино все силы своего мышления, чтобы соответствовать тем задачам, которые ставит перед ним земная действительность.

Среди самых различных мнений, неизбежно возникающих в настоящее время в отношении науки о духе, отметим здесь два. Первое состоит в том, что на неё смотрят как на порождение безудержной фантазии. Совершенно естественно, что такая точка зрения существует. И она должна быть вполне понятной для духовнонаучно устремлённого человека. Все разговоры в окружающей его среде, всё происходящее вокруг него и доставляющее людям удовольствие и радость — всё это может служить свидетельством того, что он говорит на пока ещё прямо-таки нелепом для многих языке. При таком понимании своего окружения у него должна быть, конечно, безусловная уверенность, что он находится на верном пути. Иначе он вряд ли устоит, открыв для себя всю противоположность своих представлений образу мыслей тех, кого принято относить к числу просвещённых и мыслящих. Но если он обладает надлежащей уверенностью, если он знает истинность и силу своих воззрений, тогда он скажет себе: я хорошо знаю, что в настоящее время на меня могут смотреть как на фантаста, и мне ясно, почему это так; но истина должна оказать своё воздействие, даже если её высмеивают и издеваются над ней, и её воздействие зависит не от мнений, которые имеют по её поводу, а от её глубокой и прочной обоснованности.

Другое мнение, касающееся духовной науки, состоит в том, что её мысли прекрасны и приносят удовлетворение, однако они имеют значение только для внутренней душевной жизни, а не для практической жизненной борьбы. И даже тот, кто жаждет духовнонаучной пищи для удовлетворения своих духовных потребностей, легко может впасть в искушение сказать себе: да, но всё-таки весь этот круг мыслей не может дать никакого разъяснения о том, как справляться с социальной нуждой, с материальным бедствием. — Но именно это

¹ Здесь и далее в этой статье — курсив автора. — *Прим пер.*

мнение основано на абсолютном непонимании действительных жизненных фактов, и прежде всего — на непонимании плодов духовнонаучного образа мыслей.

Почти все без исключения спрашивают: что изучает духовная наука? Как можно доказать то, что она утверждает? И тогда плодов её ищут в чувстве удовлетворения, которое можно из неё почерпнуть. Это, конечно, совершенно естественно. Ведь прежде всего необходимо прочувствовать истинность тех утверждений, с которыми встречаешься. Но подлинного *плода* духовной науки в этом искать нельзя. Ибо этот плод проявляется лишь тогда, когда с духовнонаучным образом мыслей приступают к задачам практической жизни. И вопрос заключается в том, помогает ли наука о духе с большей проницательностью подойти к этим задачам и искать средства и пути для их решения осмысленно. Кто хочет действовать в жизни, должен сперва понять жизнь, — вот в чём суть дела. До тех пор, пока остаются при вопрошании, что изучает духовная наука, сохраняется возможность, что эти штудии сочтут слишком «возвышенными» для практической жизни. Но если обратят внимание на то, какому воспитанию подвергаются благодаря этим штудиям мышление и чувствование, то подобные возражения выдвигать перестанут. И каким бы странным ни казалось это для поверхностного взгляда, однако это истинная правда: кажущиеся парящими в заоблачных высях духовнонаучные мысли формируют взгляд, необходимый для правильного ведения именно повседневной жизни. И духовная наука вырабатывает и оттачивает понимание социальных требований современности как раз через то, что сначала она ведёт дух в светлые высоты сверхчувственного. Сколь парадоксальным бы это ни казалось, всё-таки это именно так.

Покажем на примере, что под этим подразумевается. Недавно вышла чрезвычайно интересная книга под названием «Как я был рабочим в Америке». Её автор, правительственный советник *Кольб*, решил несколько месяцев провести в Америке в качестве простого рабочего. И этим путём ему удалось приобрести такое суждение о людях и о жизни, какого не могли дать ему ни образование, приведшее его к званию правительственного советника, ни опыт, полученный им на этой и на всех его прежних должностях. В течение многих лет он занимал довольно ответственный пост, но только покинув его и пожив в течение короткого времени в далёкой стране смог узнать жизнь с такой стороны, что написал в своей книге следующие примечательные строки: «Как часто прежде, видя здорового человека, просящего милостыню, я с праведным негодованием спрашивал: почему этот бездельник не работает? Теперь я знаю это. *В теории это выглядит иначе, чем на практике, и даже самыми безотрадными категориями национальной экономики можно вполне сносно орудовать, сидя за письменным столом*».

Здесь не должно возникнуть ни малейшего недоразумения. Человек, решившийся покинуть благополучную жизненную среду и поступить на работу на пивоваренный завод и на фабрику по производству велосипедов, заслуживает самого полного признания. Прежде всего должна быть подчёркнута высокая оценка этого поступка, чтобы не возникло мнение, будто этот человек должен быть подвергнут пренебрежительной критике. — Но каждому, кто *хочет* видеть, станет совершенно ясно: всё полученное этим человеком образование, все усвоенные им науки необходимого суждения о жизни ему не дали.

Нужно постараться уяснить себе, что утверждается этими словами: можно научиться всему, что в настоящее время делает человека способным занимать сравнительно высокие руководящие должности, — и при этом оставаться очень далёким от жизни, на которую требуется воздействовать. — Разве это не то же самое, как если бы человек обучался строительству мостов в какой-нибудь школе и затем, приступив к строительству настоящего моста, ничего бы в этом не понимал? Но *нет*, это *не* совсем одно и то же. Кто плохо подготовлен для постройки мостов, тот быстро обнаружит свою недостаточность: сразу, как только приступит к делу. Он окажется негодным работником и всюду получит отказ. Но недостатки того, кто плохо подготовлен для деятельности в социальной жизни, могут проявиться не так скоро. Плохо построенный мост обрушится, и тогда даже самому пристрастному человеку станет

ясно, что строитель был ни на что не годен. Но промахи в социальной деятельности сказываются только в том, что от этого страдают другие. И связь их страдания с допущенными промахами заметить не так легко, как связь между обвалом моста и негодным строителем.

«Да, — скажут нам, — но какое отношение имеет это всё к духовной науке? Уж не полагает ли духовнонаучно настроенный исследователь, что подобные занятия доставили бы советнику Кольбу лучшее понимание жизни? Какая ему была бы польза, если бы он знал о „перевоплощении“, „карме“ и всех этих „сверхчувственных мирах“? Ведь никто же не станет утверждать, что идеи о планетных системах и о высших мирах могли бы уберечь нашего советника от необходимости в один прекрасный день признаться себе в том, что „даже самыми безотрадными категориями национальной экономики можно вполне сносно орудовать, сидя за письменным столом“». И здесь духовнонаучный исследователь действительно может ответить так, как это сделал однажды Лессинг: «*Этот „никто“ — я: так как буквально это я и утверждаю*».

Но только не следует понимать это в том смысле, будто всякий, кто владеет знанием о «перевоплощении» или о «карме», может тем самым развивать правильную деятельность в социальной сфере. Конечно, это было бы наивностью. Разумеется, речь идёт не о том, чтобы каждому, кому предстоит стать правительственным советником, указывать на «Тайную доктрину» Блаватской, вместо того чтобы отослать его в университет к Шмоллеру, Вагнеру или Brentano.

Значение здесь имеет следующее: будет ли экономическая теория, исходящая из духовнонаучного строя мыслей, такой, с которой удобно орудовать, сидя за письменным столом, но которая окажется несостоятельной в действительной жизни? Нет. Как раз такой она и не будет. Ибо *в каком случае* теория оказывается несостоятельной в отношении жизни? Когда она порождена мышлением, для жизни не подготовленным. Но духовная наука выявляет глубинные законы, действительные для жизни в той же мере, в какой законы электричества действительны для фабрики по производству электрооборудования. Тот, кто хочет построить такую фабрику, должен сперва усвоить истинные познания об электричестве. Также и тот, кто хочет действовать в жизни, должен сперва изучить законы жизни. Насколько идеи духовной науки могут показаться далёкими от жизни, настолько же близки они ей в действительности. Поверхностному взгляду они кажутся от жизни оторванными; но при глубоком взгляде именно они открывают настоящее понимание жизни. В «духовнонаучные круги» приходят не из простого любопытства, дабы получать там всевозможные «интересные» сообщения о потусторонних мирах, — но чтобы упражнять своё мышление, чувство и волю на «вечных законах бытия» и вступать в жизнь с ясным, светлым взглядом, действительно её понимая. Духовная наука — это трудный, но надёжный путь, ведущий к мышлению, суждению и ощущению, которые *преисполнены жизни*. — Духовнонаучное движение только тогда встанет на верные рельсы, когда люди действительно поймут это. Правильное действие вытекает из правильного мышления; неправильное же действие вытекает из ошибочного мышления, — или из отсутствия мыслей. Кто хочет верить, что в социальной области вообще можно сделать что-нибудь благое, доброе, тот должен допустить, что осуществление этого намерения зависит именно от *человеческих способностей*. Действовать через проработку духовнонаучных идей — значит повышать свои способности к социальной деятельности. В этом отношении речь идёт не только о том, какие мысли воспринимают благодаря науке о духе, но и о том, что *делают — благодаря ей* и исходя из собственного мышления.

Конечно, следует признать, что в самих духовнонаучных кругах заметно ещё не слишком много работы именно в этом направлении. И точно так же нельзя отрицать, что именно поэтому те, кто далёк от духовной науки, по-прежнему имеют основания сомневаться в вышесказанном. Но при этом нельзя оставить без внимания и тот факт, что духовнонаучное движение в его нынешнем виде находится в самом начале своего пути. Его дальнейшее развитие будет состоять в том, что оно деятельно войдёт во все практические сферы жизни. И тогда,

например, в связи с «социальным вопросом» обнаружится, что вместо теорий, «которыми можно вполне сносно орудовать, сидя за письменным столом», выступят идеи, которые одарят ум способностью непредвзято рассматривать *жизнь*, а волю направят на деятельность, из которой будет проистекать благо и счастье для людей.

Возможно, многие скажут, что как раз в случае Кольба ссылка на духовную науку оказывается излишней, — необходимо лишь, чтобы люди, готовящие себя к той или иной профессии, не ограничивались одним только изучением теории сидя на школьной скамье, но чтобы они соприкасались с жизнью и наряду с теоретическим прошли бы также и практическое обучение; ибо как только Кольб увидел жизнь, ему хватило его прежних знаний, чтобы прийти к другим взглядам по сравнению с теми, какие были у него раньше. — *Нет*, этого мало, так как изъясн лежит гораздо глубже. Если человек видит, что он с его с недостаточной подготовкой может строить только такие мосты, которые обваливаются, то тем самым он ещё далеко не приобрёл способность строить мосты, которые не разрушаются. Для этого ему надо пройти действительно продуктивную подготовку.

Разумеется, имея в отношении основных законов жизни даже непригодные теории, достаточно только взглянуть на социальные условия, чтобы уже больше не спрашивать при встрече с безработным «почему этот бездельник не работает?». Из самих условий можно понять, почему он не работает. Но разве тем самым мы уже научились на благо людей перестраивать эти условия? Без сомнения, многие благонамеренные авторы, предлагавшие планы, направленные на улучшение социального положения, рассуждали не так, как советник Кольб до своей поездки в Америку. Вполне возможно, что они и до подобной экспедиции были убеждены, что далеко не от всякого, кому приходится плохо, можно отделаться словами «почему этот бездельник не работает?». Но разве предложенные ими социальные реформы становятся от этого плодотворными? Нет, они не могут быть таковыми хотя бы уже потому, что столь многообразно противоречат друг другу. И поэтому с полным правом можно предположить, что и позитивные реформаторские планы советника Кольба после изменения им своих взглядов не смогут оказать сколько-либо плодотворного воздействия. В этом и состоит заблуждение нашего времени, что каждый считает себя способным понять жизнь, предварительно не изучив её основные законы и не воспитав своё мышление, чтобы стать способным видеть её истинные силы.

И именно наука о духе подготавливает нас к выработке здоровых суждений о жизни, так как она проникает до её основ. Недостаточно просто видеть, что существующие условия ввергают человека в неблагоприятные жизненные положения, где он деградирует, — само по себе это ничем не поможет. Необходимо постичь *силы*, благодаря которым создаются благоприятные условия. А этого наши учёные экономисты не могут сделать по причине, сходной с той, почему невозможно совершать математические вычисления, не зная таблицы умножения. Напишите перед таким человеком сколько угодно рядов чисел: созерцание их не принесёт ему никакой пользы. Поставьте человека, чьё мышление неспособно познать основные силы социальной жизни, перед действительностью: возможно, он превосходно опишет то, что видит; но сплетаются ли социальные силы ко благу людей или им на беду — этого понять он не сможет.

В наше время необходим взгляд на жизнь, приводящий к её действительным источникам. И такой взгляд духовная наука дать может. Если бы все желающие составили себе представление о том, в чём заключаются «социальные нужды», прошли бы сначала через духовную науку о жизни, тогда мы сделали бы шаг вперед. — Возражение, что посвящающие себя науке о духе сегодня только «говорят», а не действуют, столь же малозначимо, как и возражение, что ведь и духовнонаучные взгляды не были ещё проверены на деле и, следовательно, могут оказаться точно такой же пустой теорией, как и национальная экономика господина Кольба. Первое возражение отпадает по той причине, что «действовать», разумеется, невозможно до тех пор, пока перекрыты все пути к действию. Пусть знаток детской души отлично

знает, что нужно делать отцу для воспитания своих детей, но он не может «действовать», если этот отец не пригласил его как воспитателя. В этом отношении следует терпеливо ждать, когда «речи» работающих исходя из духовной науки приведут тех, кто имеет власть «действовать», к пониманию. И это случится.

Не больше смысла имеет и второе возражение; оно в принципе может быть сделано лишь теми, кто не знаком с глубинной сутью духовнонаучных истин. Кто с ней знаком, тот знает, что эти истины приходят совершенно иначе, чем то, что «проверяется на деле». Законы человеческого блага так же точно запечатлены основах человеческой души, как и таблица умножения. Надо лишь проникнуть в основы человеческой души на необходимую глубину. Запечатлённое в душе можно точно так же сделать *наглядным*, как — разложив четыре боба на две кучки по два боба в каждой — можно сделать наглядным «дважды два — четыре». Это несомненно. Но кто же станет настаивать, что истину «дважды два — четыре» следует сперва проверять на бобах? В духовнонаучной истине сомневается тот, кто её ещё не *познал*, подобно тому как сомневаться, что «дважды два — четыре», может лишь тот, кому это ещё не известно. И как бы ни различались между собой эти две истины, — потому что последняя столь проста, а первая столь сложна, — в другом отношении они всё же сходны. — Конечно, этого не может понять тот, кто сам пока ещё не проникает в суть духовной науки. Поэтому в разговоре с ним невозможно привести никаких «доказательств» духовнонаучных фактов. Можно лишь сказать: познакомьтесь сначала с духовной наукой.

Важность роли духовной науки для нашего времени проявится тогда, когда она сделается закваской для всей жизни. И до тех пор, пока этот путь не сможет реализовываться в полном объёме, люди духовнонаучного образа мыслей будут оставаться лишь в начале своей деятельности, и им к тому же придётся выслушивать упрёки, что результаты их исследований враждебны по отношению к жизни. Да, они враждебны по отношению к ней, как была враждебна железная дорога по отношению к тому жизненному укладу, который умел признать «жизненной истиной» только почтовую повозку. Они враждебны так же, как будущее враждебно по отношению к прошлому.

В последующем рассмотрении необходимо остановиться на некоторых особых моментах, выступающих в связи с темой «Духовная наука и социальный вопрос».

В отношении «социального вопроса» существуют два противоположных воззрения. Одно видит причины хорошего и дурного прежде всего в людях, другое — главным образом в условиях, в которых они живут. Сторонники первого мнения стараются добиться успеха через развитие у людей чувства нравственности, а также духовных и физических сил; склоняющиеся же ко второму воззрению, напротив, озабочены прежде всего улучшением жизненных условий, ибо они говорят себе, что когда люди смогут жить в достатке, тогда их способность к деятельности и их нравственное ощущение сами собой разовьются до более высокого уровня. Едва ли можно отрицать, что второй взгляд получает сегодня всё большее распространение. Если особо настаивать на первом воззрении, то во многих кругах это будет принято за совершенно отсталый образ мыслей. Там скажут: тот, кто с утра до вечера вынужден бороться с самой горькой нуждой, не сможет прийти к развитию своих моральных и духовных сил; прежде чем разговаривать с ним о делах духовных, дайте ему хлеба.

Последнее утверждение особенно легко заостряется до упрёка в отношении духовнонаучных устремлений, и подобные упрёки выдвигаются вовсе не худшими людьми нашего времени. Обычно упрёк облачают в следующую форму. Указывают, на то, что в наше время, к примеру, семьи в восемь человек зачастую живут в одной-единственной комнате, в которой не хватает ни воздуха, ни света, и детей приходится посылать в школу в таком состоянии, что те едва держатся на ногах от слабости и голода. И затем говорят: не следует ли тем,

кто озабочен развитием масс, направить все свои усилия на устранение подобных условий? Вместо того, чтобы направлять своё мышление на исследование высших миров, им следовало бы направить его на следующий вопрос: как устранить социальные бедствия? Так, в недавно появившейся весьма интересной книге Г. Л. Данкмара можно прочесть: «Пусть теософия выйдет из своего ледяного одиночества и спустится вниз к людям, к народу; пусть она серьёзно и правдиво поставит этическое требование всеобщего братства во главу своей программы, и пусть она действует согласно этому требованию, не заботясь о последствиях; пусть она превратит в *социальное делание* слова Христа о любви к ближним, и тогда она станет драгоценным, непреходящим достоянием человечества».

Выдвигающие такое возражение против теософии² делают это с лучшими намерениями, и приходится даже признать, что они совершенно правы относительно многих из тех, кто занимается теософией. Без сомнения, среди последних немало людей, заботящихся только о своих собственных духовных потребностях и стремящихся лишь узнать что-нибудь о «высшей жизни», о судьбе души после смерти и тому подобном. — И, конечно, весьма справедливо, когда говорят, что в настоящее время важнее развивать общественно полезную деятельность, возвращать любовь к ближним, заботиться о благе окружающих людей, чем в одиноком отчуждении от мира возвращать какие-то дремлющие в душе высшие способности. Стремящиеся прежде всего к последнему рискуют показаться людьми утонченного себялюбия, для которых их собственное душевное благо стоит выше общечеловеческих добродетелей. — Нередко приходится также слышать указания на то, что духовнонаучными изысканиями могут интересоваться только те, кому «хорошо живётся» и кто может поэтому посвящать таким вещам своё «праздное время». И что того, кто с утра до вечера вынужден за жалкую плату трудиться в поте лица своего, не следует кормить речами о единстве всего человечества, о «высшей жизни» и тому подобным.

Конечно, вполне верно, что подобным грешат и некоторые духовнонаучно устремлённые деятели. Но не менее верно и другое: правильно понятая духовнонаучная жизнь ведёт человека к возвращению в себе особой добродетели — самоотверженной деятельности на благо общества. В любом случае духовная наука никому не может *помешать* оставаться столь же добрым человеком, как и те, кто о духовной науке ещё ничего не знают или не желают знать.

Но всё это ещё не составляет самого главного в связи с «социальным вопросом». Чтобы проникнуть к этому главному, необходимо нечто большее, чем полагают противники духовнонаучных исканий. Да, следует без долгих рассуждений признать вместе с этими противниками, что при помощи тех средств, которые предлагаются с разных сторон для улучшения социального положения людей, может быть достигнуто *много*. Одна партия хочет одного, другая — другого. При этом тот, кто мыслит ясно, быстро увидит, что многие из таких партийных требований являются химерой; но многое, конечно, содержит в себе и зерно истины.

Роберт Оуэн (1771–1858) — несомненно, один из благороднейших социальных реформаторов — постоянно подчёркивал, что существо человека определяется той средой, в которой он вырастает, что характер формируется не самим человеком, а жизненными обстоятельствами, в которых он развивается. Нет нужды оспаривать то очевидно верное, что содержат в себе эти слова. Не следует также встречать их пренебрежительно пожимая плечами, несмотря на то, что сказанное более или менее само собой разумеется. Напротив, нужно прямо признать, что многое может стать лучше, если в общественной жизни будут руководствоваться такими положениями. И именно поэтому духовная наука не станет никого удерживать от участия в деятельности, способствующей прогрессу человечества и направленной на то, что-

² Статья написана в 1906 году, когда Рудольф Штайнер вёл духовнонаучную работу в среде уже существовавшего тогда Теософского общества, надеясь привести теософию к духовной науке. Соответственно, ему приходилось отражать и справедливые общественные упреки в адрес теософии. — *Прим пер.*

бы в духе вышесказанного добиться лучшей участи для угнетённых и нуждающихся классов человечества.

Но духовная наука *обязана* проникать глубже. Дело в том, что *решительного* прогресса подобными средствами нельзя будет достичь никогда. Кто не признаёт этого, тот ещё не уяснил себе, откуда происходят те жизненные условия, в которых существуют люди. Ибо насколько жизнь человека зависит от этих условий, настолько же сами эти условия обусловлены действиями людей. Иначе кто же установил такой порядок, благодаря которому один богат, а другой беден? Разумеется, сами люди. То обстоятельство, что эти люди жили по большей части *прежде* нынешних — тех, кому теперь, в настоящих условиях, живётся хорошо или плохо, — ничего не меняет в положении вещей. Страдания, налагаемые на человека самой *природой*, имеют для *социального* положения только косвенное значение. *Эти* страдания должны быть уменьшены или вовсе устранены человеческой деятельностью. И если не совершаются необходимые шаги в этом направлении, то вина лежит всё-таки лишь на человеческих учреждениях. — Неповерхностное знание вещей учит нас, что всё зло, о котором по праву можно говорить как о социальном, также происходит от человеческих поступков. И если не отдельный человек, то, во всяком случае, всё человечество является в этом отношении «кузнецом своего счастья».

Но сколь верно только что сказанное, столь же верно и то, что — если рассматривать в более широком охвате — ни одна сколько-нибудь значительная часть человечества, ни одна каста или класс не причиняет страдания другой части со злым умыслом. И все утверждения подобного рода основываются просто на недостатке понимания. Это, в сущности, самоочевидная истина, но всё же она должна быть высказана. Ибо несмотря на то, что такие вещи легко понимаются рассудком, в практической жизни люди не всегда ведут себя в согласии с ними. Всякий эксплуататор своих ближних, конечно, не хотел бы, чтобы жертвам его эксплуатации приходилось страдать. Люди продвинулись бы гораздо дальше, если бы не только находили это самоочевидным, но и действительно соотносили с этим свои ощущения и чувства.

Без сомнения, многие из тех, кто «мыслит социально», возразят нам: «Да, но что же следует из подобных утверждений? Уж не должен ли эксплуатируемый благожелательно относиться к своему эксплуататору? Разве это не совершенно понятно, что первый ненавидит последнего и из ненависти становится в то или иное партийное отношение к нему?»

«Это было бы воистину плохим рецептом, — скажут нам далее, — если бы угнетаемый стал взывать к человеколюбию угнетателя, обращаясь к нему, например, в духе изречения великого Будды: „Ненависть побеждается не ненавистью, но только любовью“».

И всё же только мировоззрение, стоящее на такой точке зрения, ведёт в настоящее время к действительно «социальному мышлению». И здесь-то как раз и начинает разворачиваться духовнонаучный образ мыслей. Он не может застревать в поверхностных слоях мышления, но должен достигать глубинного понимания. Этот образ мыслей не может оставаться при простом указании, что бедствие вызывается теми или иными условиями, поскольку призван проникнуть к тому единственно плодотворному познанию, которое раскрывает, благодаря чему созданы и продолжают создаваться подобные условия. И именно по отношению к этим более глубоким вопросам большинство социальных теорий оказывается всего лишь «пустым теоретизированием», а то и вовсе ничего не значащими фразами.

Пока мы с нашим мышлением остаёмся на поверхности, до тех пор мы приписываем обстоятельствам, и вообще всему внешнему, совершенно ложную власть. В действительности эти обстоятельства являются лишь *выражением внутренней жизни*. И так же, как человеческое тело понятно только знающему, что оно является выражением души, так и верно судить о внешних институтах может только уяснивший себе: они не что иное, как создания человеческих душ, воплощающих в них свои ощущения, воззрения и мысли. Обстоятельства, в которых мы живём, созданы самими людьми, и мы никогда не создадим лучших условий,

если не будем исходить из иных мыслей, воззрений и ощущений, чем те, которые были у людей, создавших эти обстоятельства.

Рассмотрим эти вещи детальнее. Внешне легко может показаться угнетателем тот, кто ведёт роскошную жизнь, кто может путешествовать по железной дороге первым классом и т. п. Угнетённым же покажется тот, кто носит плохую одежду и принуждён ездить в четвёртом классе. Однако вовсе не нужно быть безжалостным человеком, а также реакционером или кем-то подобным, чтобы уяснить себе следующее: я никого не угнетаю и не эксплуатирую тем, что ношу ту или иную одежду, но — только тем, что слишком мало вознаграждаю работника, изготовившего для меня эту одежду. Рабочий, живущий в нужде и покупающий себе плохую одежду за маленькие деньги, *в этом смысле* находится по отношению к своим ближним в совершенно таком же положении, как и богач, заказывающий себе хорошую одежду. Безразлично, богат я или беден: недостаточно оплачивая приобретаемые вещи, я всё равно являюсь эксплуататором. Собственно говоря, в настоящее время никому не следовало бы называть другого угнетателем: пусть он только посмотрит на самого себя, и если он продает это достаточно добросовестно, то скоро откроет «угнетателя» и в себе. Разве твоя работа оплачивается недостаточно *одними лишь* богатыми людьми? Нет, тот, кто сидит рядом с тобой и вместе с тобой жалуется на угнетение, получает работу из твоих рук на точно таких же условиях, как и богатые, против которых вы оба выступаете. Нужно только продумать это однажды, и тогда будут найдены другие опорные пункты для «социального мышления», нежели ныне общепринятые.

Размышляя в этом направлении, мы прежде всего отчётливо поймём, что необходимо совершенно отделить друг от друга понятия «богатый» и «эксплуататор». Богат ли кто-то или беден в настоящее время, это зависит от его личных практических способностей или от способностей его предков, или от ряда других вещей. И то обстоятельство, что человек является эксплуататором рабочей силы другого человека, не имеет никакого отношения к *этому*. По крайней мере, непосредственного. Но кое к чему другому это имеет очень большое отношение, — а именно к тому, что наши установления или окружающие нас *отношения построены на личном своекорыстии*.

Нужно совершенно ясно видеть и понимать это, иначе мы придём к самому превратному пониманию и того, о чём здесь говорится. Когда я в наше время приобретаю себе ту или иную одежду, то в существующих условиях кажется совершенно естественным, что я стремлюсь заплатить за неё как можно меньше. Это значит, что я имею при этом в виду только *самого себя*. Но тем самым обозначается и та точка зрения, которая господствует над всей нашей жизнью.

Здесь нам легко могут возразить: «Но разве социально мыслящие партии и деятели не стремятся как раз к тому, чтобы устранить это зло? Разве они не стремятся к охране труда? Разве не требуют рабочие классы и их представители повышения заработной платы и ограничения рабочего времени?» Выше уже было сказано, что с точки зрения современности против подобных требований и соответствующих им мероприятий ничего нельзя возразить. Но, разумеется, мы не становимся тем самым на сторону тех или иных существующих партийных требований. В частности, с той точки зрения, о которой здесь идёт речь, никакая партийность, никакие «за» или «против» не берутся в расчёт. Всё это находится совершенно за пределами духовнонаучного способа рассмотрения.

Можно вносить сколько угодно улучшений, направленных на защиту рабочего класса, и этим, конечно, значительно содействовать поднятию жизненного уровня той или иной группы людей. Но *сущность* эксплуатации от этого не изменится, и меньше её не станет. Ибо она базируется на том, что человек приобретает для себя продукты работы другого с точки зрения *собственной выгоды*. Безразлично, имею я много или мало, но если я пользуюсь тем, что имею, для удовлетворения моего своекорыстия, то это *неизбежно* связано с эксплуатацией другого. И если я, охраняя его труд, продолжаю оставаться на этой точке зрения, то тем са-

мым создаётся только видимость пользы. Если я оплачиваю работу другого дороже, то в ответ и он должен дороже оплатить мою работу, иначе улучшением положения одного будет вызвано ухудшение положения другого.

Для прояснения здесь необходимо привести ещё один пример. Покупая фабрику для того, чтобы она принесла мне как можно больше дохода, я постараюсь получить рабочие силы по возможно более низкой цене и т. п. Всё, что будет происходить, будет делаться с точки зрения моей личной выгоды. — Если же, напротив, я покупаю фабрику с намерением как можно лучше обеспечить двести человек, тогда все мои мероприятия примут другой характер. — Конечно, на практике *в настоящее время* второй случай будет не очень сильно отличаться от первого. И это связано исключительно с тем, что *отдельный* бескорыстный человек не слишком много сможет сделать в обществе, которое в остальном построено на своекорыстии. Но дело обстоит бы совершенно иначе, если бы бескорыстная работа стала *повсеместным* явлением.

Человек, мыслящий «практически», конечно, подумает, что с помощью одного лишь «добротного намерения» никто не сможет способствовать улучшению условий оплаты труда своих работников, потому что благожелательным отношением нельзя повысить доход от своих товаров, а без этого нельзя также создать и лучших условий для рабочих. — Но дело именно в том, что необходимо понять совершенную ошибочность этого возражения. Ибо все интересы, а вместе с тем и все жизненные условия, меняются, когда при приобретении какой-либо вещи человек имеет в виду уже не *себя*, но *других*. О чём хлопочет тот, кто желает служить только собственному благу? Конечно же, о том, чтобы получить как можно большую выгоду. *Как* при этом должны работать другие, чтобы удовлетворить *его* потребности, с этим он не считается. Таким образом, вследствие этого он должен прилагать свои силы к *борьбе* за существование. Если я основываю предприятие, которое должно принести как можно больше дохода *мне*, я не спрашиваю, каким образом приводятся в движение те рабочие силы, которые на меня работают.

Однако всё меняется, если точкой отсчёта оказываюсь уже не я сам, но лишь то, как моя работа служит другим. Ничто не заставляет меня тогда предпринимать что-то такое, что может неблагоприятным образом отразиться на других. Свои силы я отдаю тогда на служение не себе, а другим людям. И это имеет последствием совершенно иное раскрытие сил и способностей человека. О том, как это *практически* изменяет жизненные условия, будет сказано в конце статьи.

Роберта Оуэна в определённом смысле можно назвать гением в области практической социальной деятельности. Он обладал двумя качествами, действительно подтверждающими справедливость такой характеристики: широта в понимании общественно полезных учреждений и благородная любовь к людям. Нужно только взглянуть на то, что ему удалось создать благодаря этим двум качествам, чтобы по достоинству оценить всё их значение. Он создал в Нью-Ланарке образцовые промышленные учреждения и при этом устроил всё таким образом, чтобы рабочие не только в материальном, но и в моральном отношении жили в достойных человека условиях. В числе собравшихся у него были и люди опустившиеся, предававшиеся пьянству. Он поместил рядом с ними людей добродетельных, действовавших на них своим примером, и достиг таким образом наилучших результатов, какие только можно себе представить. То, чего достиг Оуэн, исключает возможность поставить его на одну ступень с другими — в той или иной степени склонными к фантазированию — «исправителями мира», так называемыми утопистами. Он держался в рамках практически реализуемых учреждений, относительно которых даже не расположенный ни к какой мечтательности человек может предположить, что они способны — сначала в известной ограниченной области —

устранить из мира бедствие и нужду, претерпеваемые людьми. И нельзя назвать это непрактичностью, — когда кто-то питает веру в то, что даже такая маленькая область может выступить в качестве образца и что в социальной сфере это может положить начало здоровому развитию, — для достижения лучшей участи живущих на Земле людей.

Сам Оуэн думал, очевидно, именно так. Поэтому он решился сделать на этом пути ещё один шаг. В 1824 году в штате Индиана в Северной Америке он приступил к созданию своего рода маленького образцового государства. Он приобрёл участок земли, на котором хотел построить основанное на свободе и равенстве человеческое сообщество. Всё было устроено так, чтобы эксплуатация и порабощение были невозможны.

Приступающий к подобной задаче должен принести с собой самые лучшие социальные добродетели: страстное желание сделать своих ближних счастливыми, а также веру в то лучшее, что присуще человеческой природе. Он должен держаться того взгляда, что из этой человеческой природы само собой разовьётся стремление к труду, если соответствующими учреждениями будут обеспечены условия, при которых выполняемая работа приносит радость и удовлетворение.

В Оуэне эта вера была столь сильна, что должны были понадобиться очень тяжёлые испытания, чтобы поколебать её. И пора этих тяжёлых испытаний действительно наступила. После долгих усилий благородный Оуэн вынужден был признать, что «попытки создания подобных колоний всегда будут терпеть неудачу, если сначала не будут преобразованы нравы людей; и что на человечество следует воздействовать скорее теоретическим путём, чем практическим». — К такому взгляду привёл этого общественного реформатора тот факт, что нашлось достаточное количество тех, кто не желал трудиться и стремился переложить работу на своих ближних, вследствие чего неизбежно должны были возникнуть споры, борьба и, в конце концов, за этим должно было последовать банкротство колонии.

Опыт Оуэна может послужить уроком для всех действительно желающих учиться. Он помогает перейти от учреждений, искусственно создаваемых и искусственно выдумываемых ради блага человечества, к плодотворной социальной работе, считающейся с истинной действительностью.

Благодаря своему опыту Оуэн мог быть основательно исцелён от веры в то, что все беды в человечестве вызываются только «дурными учреждениями», в среде которых приходится пребывать людям, и что добрые стороны человеческой природы будут выступать сами собой, если улучшить эти учреждения. Он принуждён был убедиться, что хорошие учреждения вообще могут существовать лишь при условии, что участники горячо привязаны к ним и по своей природе склонны их поддерживать.

Теперь могла бы прежде всего возникнуть мысль, что необходимо сначала теоретически подготовить людей, для которых хотят создать такие учреждения. Например, путём объяснения им правильности и целесообразности данных мероприятий. При некоторой непредвзятости нетрудно вычитать нечто подобное из признаний Оуэна.

И тем не менее к действительно практическому результату можно прийти только при более глубоком проникновении в суть дела. От обманувшей Оуэна простой веры в добрые свойства человеческой природы следует перейти к действительному *познанию человека*. — С какой бы ясностью люди ни представляли себе когда-либо целесообразность и благотворность для человечества тех или иных учреждений, вся эта ясность не может *в итоге* привести к желаемой цели, ибо из одного этого ясного понимания человек не извлечёт внутренних побуждений к работе, если наряду с этим в нём будут иметь силу влечения, основанные на эгоизме. Между тем этот эгоизм является частью человеческой природы. И это приводит к тому, что, когда человеку нужно жить и работать в сообществе с другими людьми, в его чувствах пробуждается эгоизм, в результате чего на практике большинство людей неизбежно будет считать самым лучшим такое общественное устройство, при котором каждый отдельный человек может наилучшим образом удовлетворять свои собственные потребности.

Так под влиянием эгоистических чувств социальный вопрос совершенно естественным образом приобретает следующую форму: какие общественные институты нужно создать для того, чтобы каждый мог пользоваться плодами своей работы *для себя*? И особенно в наше материалистическое время лишь очень немногие считаются с другой предпосылкой. Как часто приходится слышать в качестве самоочевидной истины, что социальный порядок, опирающийся на благожелательность и человеческое сочувствие, является неразумным. В гораздо большей степени считаются с мыслью, что человеческое общество будет более всего процветать тогда, когда каждый отдельный человек сможет в «полном» — или по возможности большем — объёме присваивать плоды своего труда.

Но совсем об обратном говорит наука о духе, базирующаяся на более глубоком познании человека и мира. Она показывает, что все беды людей являются исключительно следствием эгоизма и что в свой срок во всяком человеческом сообществе неизбежно должны воцариться бедствие, нищета и нужда, если это сообщество так или иначе основывается на эгоизме. Для понимания этого необходимы, без сомнения, более глубокие познания, нежели те, которые выступают тут и там под флагом социальной науки. Эта «социальная наука» считается только с внешней стороной человеческой жизни, а не с её более глубоко залегающими силами. В большинстве современников очень трудно пробудить чувство, что о таких силах возможно хотя бы говорить. Люди считают непрактичным фантазёром всякого, кто заговаривает с ними о подобных вещах. Однако в рамках этой статьи невозможно даже и пытаться развить социальную теорию с учётом более глубоко залегающих сил, ибо для этого необходимо было бы и более обстоятельное сочинение. Здесь можно сделать лишь одно: указать на истинные законы совместной жизни и работы людей и на те разумные социальные идеи, которые откроются познающему эти законы. Полное понимание вопроса сможет получить только тот, кто усвоит основанное на духовной науке мировоззрение, — и весь данный журнал работает на представление такого мировоззрения³. Всё, что может поставить себе задачей отдельная статья, это обеспечить первоначальное освещение данного вопроса с духовнонаучной точки зрения. Ведь всегда найдутся те, кто через внутреннее чувство признают истинность того, что пока представлено лишь кратко и что невозможно изложить здесь во всех подробностях.

Основной социальный закон, который указывается духовной наукой, таков: ***«Благо общества работающих вместе людей тем больше, чем меньше отдельный человек притягивает на плоды своего труда, то есть чем больше он отдаёт из этих плодов другим соратникам и чем больше его потребности удовлетворяются не из его собственной работы, а из работы других»***. Все учреждения внутри какого-либо сообщества, противоречащие этому закону, с течением времени так или иначе порождают неизбежные бедствия и нужду. — Этот закон определяет социальную жизнь с такой же безусловной необходимостью, как закон природы определяет ту или иную область природной жизни. Только не следует думать, будто достаточно признать за этим законом всеобщее моральное значение или же превратить его в убеждение, что каждый должен работать на своих братьев. Нет, в действительности этот закон живёт должным образом только тогда, когда некоему сообществу удаётся создать учреждения, в которых никто не может пользоваться плодами своей собственной работы, но эти плоды по возможности без остатка идут на пользу всего сообщества. При этом каждый член сообщества, в свою очередь, должен обеспечиваться из работы своих братьев. Итак, суть в том, чтобы работа для своих ближних и получение дохода были совершенно отделены друг от друга.

Те, кто считают себя «практическими людьми», конечно, только посмеются — духовнонаучный исследователь может быть в этом уверен — над таким «невероятным идеализмом». И тем не менее указанный закон практичнее всякого другого, когда-либо измышленного или

³ Имеется в виду журнал «Lucifer-Gnosis», в котором была опубликована статья. — *Прим пер.*

введённого в жизнь «практиками». Ведь кто действительно смотрит на жизнь, тот может обнаружить, что каждое сообщество, где-либо существующее или когда-либо существовавшее, имеет учреждения двоякого рода. Одна часть этих учреждений соответствует этому закону, другая ему противоречит. Так везде и должно происходить, хотя бы этого люди или нет. Всякое сообщество тотчас распалось бы, если бы в целое не вливалась работа отдельных участников. Но этому с незапамятных времён противостоял также и человеческий эгоизм. Он вызывал у отдельного человека стремление извлечь для себя как можно больше выгоды из собственной работы. И лишь то, что проистекало таким образом из эгоизма, всегда имело своим последствием беды, нужду и нищету. А это ведь означает, что та часть человеческих учреждений, которая создавалась «практиками» с опорой на собственный или на чужой эгоизм, неизбежно оказывалась непрактичной.

Но дело, конечно, не может состоять только в том, чтобы понять данный закон. Настоящая практика начинается с вопроса: как соблюсти его в реальности? Ясно, что этот закон утверждает: благо людей тем больше, чем меньше эгоизм. Следуя ему, приходится, таким образом, полагаться на то, что имеешь дело с людьми, ищущими выход из эгоизма. Но это совершенно неосуществимо практически, если мера блага и бедствия отдельного человека будет определяться его работой. Кто работает *для себя*, со временем *неизбежно* впадает в эгоизм. Только тот, кто работает всецело для других, может постепенно стать неэгоистичным работником.

Но для этого необходима ещё одна предпосылка. Когда один человек работает для другого, основание для своей работы он должен видеть именно в этом другом; и если кто-нибудь хочет работать для сообщества, он должен тогда чувствовать и переживать ценность, сущность и значение этого сообщества. Это возможно только в том случае, если сообщество является для него чем-то ещё совсем другим, чем лишь более-менее неопределённой совокупностью отдельных людей. Оно должно быть исполнено духа, к которому причастен каждый входящий в сообщество человек. Оно должно быть таким, чтобы каждый сказал себе: оно правильно, и я *хочу*, чтобы оно было таким. Человеческое сообщество должно иметь духовную миссию; и каждый отдельный человек должен стремиться содействовать исполнению этой миссии. Все неопределённые, абстрактные идеи прогресса, о которых обыкновенно говорят, к подобной миссии отсылать не могут. При господстве одних только этих идей отдельные люди или отдельные группы будут работать там и тут без возможности увидеть, для чего нужна их работа, если не считать той выгоды, которую получают при этом они и их близкие, или же тех интересов, которые связывают их с этой работой. — Во всех участниках, в каждом отдельном человеке дух сообщества должен быть живым.

Добро всегда пускало корни лишь там, где тем или иным образом осуществлялась подобная жизнь духовного сообщества. Каждый гражданин древнегреческого города (и даже гражданин свободного города в средние века) ещё имел хотя бы смутное ощущение этого духа сообщества. И если, например, существование соответствующих учреждений в древней Греции было возможно только потому, что имелись целые армии рабов, которые выполняли работу для «свободных граждан», будучи побуждаемыми к этому не духом сообщества, а насильственной властью своих господ, то это не может служить возражением против сказанного. — На этом примере можно научиться только тому, что человеческая жизнь подлежит развитию. В настоящее время человечество достигло той ступени, на которой такое решение общественного вопроса, какое применялось в древней Греции, оказывается невозможным. Даже благороднейшим грекам рабство не казалось чем-то несправедливым, оно представлялось им необходимостью. Поэтому, например, великий Платон мог выдвинуть в качестве идеала тип государства, где дух сообщества проявлялся таким образом, что трудящееся большинство принуждалось к работе небольшим числом мудрых и рассудительных. Но задача настоящего времени состоит в создании такого положения вещей, при котором каждый че-

ловек будет стремиться выполнять работу для сообщества исходя из своих собственных, самых глубинных побуждений.

Поэтому никто не должен думать о том, чтобы найти для социального вопроса решение на все времена, но лишь о том, как должны формироваться его социальное мышление и соответствующая деятельность с учётом потребностей именно того времени, в котором он живёт. — Сегодня вообще никакой отдельный человек не может теоретически придумать или воплотить в действительности нечто такое, что само по себе могло бы разрешить социальный вопрос. Ему пришлось бы употребить власть, чтобы принудить некоторое количество людей принять навязываемые им условия. Ибо, без сомнения, если бы у Оуэна была власть или желание принудить всех членов своей колонии к исполнению приходящейся на их долю работы, то дело должно было бы пойти на лад. Но о таком принуждении именно в настоящее время не может быть и речи. Должна быть создана возможность для добровольного осуществления каждым той деятельности, к которой он ощущает призвание в соответствии со своими силами и способностями. Но именно потому и не может быть никакой речи о том, чтобы в духе вышеприведенного признания Оуэна пытаться повлиять на людей «в теоретическом смысле», то есть просто сообщить им готовый взгляд на то, каким образом должны складываться экономические условия для достижения наилучшего положения. Рассудочная экономическая теория никогда не сможет стать средством противодействия эгоистическим силам. В течение некоторого времени такая экономическая теория может сообщать массам известный подъём, *внешне* похожий на идеализм. Но в конце концов эта теория никому не сможет принести пользы. Кто внушает массе людей подобную теорию, не давая чего-либо другого, действительно духовного, тот грешит перед истинным смыслом человеческого развития.

Единственное, что может помочь — это духовное мировоззрение, которое через самую себя, а также через то, что оно может дать, вливается в мысли, в чувства, в волю, — во всю душу человека. Вера Оуэна в добрые свойства человеческой природы справедлива лишь отчасти, в другой же своей части она является одной из худших иллюзий. Она справедлива в том смысле, что в каждом из нас дремлет «высший человек», который может быть пробуждён. Однако быть высвобожденным из своего сна он может только мировоззрением с вышеуказанными свойствами. Если привести людей с таким мировоззрением в учреждения, устроенные согласно замыслу Оуэна, то сообщество расцветёт в самом лучшем смысле. Но если свести вместе людей, не имеющих подобного мировоззрения, тогда добрые стороны этих учреждений рано или поздно неизбежно обратятся во зло. И именно у людей, у которых отсутствует мировоззрение, направленное к духовному, учреждения, способствующие материальному благополучию, должны с необходимостью вызывать также и усиление эгоизма, и тем самым мало-помалу порождать нужду, бедствие и нищету. — Это верно и в самом насущном значении слова: только отдельному человеку можно помочь, просто обеспечивая его хлебом; сообществу же можно дать хлеб, только помогая ему обрести мировоззрение. И если бы мы захотели обеспечить хлебом *каждого* отдельного члена сообщества, это не принесло бы никакой пользы: через некоторое время неизбежно оказалось бы, что многие снова остались без хлеба.

Конечно, понимание этих основополагающих принципов во многом лишит иллюзий тех, кто хотел бы облагодетельствовать свой народ, потому что такое понимание делает работу над социальным благом действительно трудной задачей, и к тому же такой, где успех складывается лишь при известных условиях и из совсем маленьких, частичных успехов. Большая часть того, что выставляется сегодня целыми партиями в качестве панацеи в социальной жизни, при отсутствии должного знания теряет своё значение и оказывается полными тщеславия заблуждениями и пустыми фразами. Никакой парламент, никакая демократия, никакая массовая агитация — ничто подобное, если оно нарушает вышеуказанный закон, не может иметь никакого значения для того, кто смотрит глубже. Всё перечисленное приводит к

благоприятному результату лишь тогда, когда действует в духе этого закона. И думать, что те или иные народные представители в парламенте могут каким-то образом содействовать благу человечества, если их деятельность не соотнобразуется с духом основного социального закона, является дурной иллюзией.

Где бы ни проявлялся этот закон, где бы ни действовал в его духе тот или иной человек — насколько это возможно при занимаемом им положении, — всюду достигается благо, хотя бы лишь в отдельных случаях и в самой малой мере. И только благодаря сумме отдельных действий, осуществляемых по такому принципу, оказывается возможным приносящий благо общий социальный прогресс. — Конечно, бывает и так, что в отдельных случаях некоторые сообщества особо предрасположены к тому, чтобы сразу достигнуть в указанном направлении большого успеха. Уже и теперь существуют сообщества, в среде которых развиваются подобные задатки. Они дают человечеству возможность прорыва, возможность совершить своего рода скачок в социальном развитии. — Существуют также средства подготовить и более обширные группы к подобному прорыву, который может быть совершён уже в обозримом будущем. Но что может сделать каждый — это действовать в духе указанного закона в своей области. Для человека не существует такого положения в мире — сколь бы незначительным или, наоборот, влиятельным оно ни казалось, — в котором это было бы невозможно.

И, конечно, самое важное — чтобы каждый стремился обнаружить пути к мировоззрению, направленному на истинное познание духа. Духовнонаучное направление может стать таким мировоззрением для всех, если оно будет разрабатываться всё больше и больше соответственно его содержанию и заложенным в нём задаткам. Благодаря ему человек сможет узнать, что он не случайно родился в том или ином месте и в то или иное время, но что он с необходимостью поставлен законом духовной причинности, кармой, на то место, где он находится. Он сможет понять, что его судьба, имеющая свои, действительно глубокие, основания, направила его в то сообщество, в котором он находится. Также и относительно своих способностей он сможет узнать, что они достались ему не по воле слепого случая, но что благодаря закону причинности обладание ими имеет вполне определённый смысл. И он сможет понять всё это так, чтобы его понимание не осталось делом одного только трезвого рассудка, но постепенно наполнило внутренней жизнью всю его душу.

В нём пробудится чувство, что он осуществляет некий высший смысл, работая сообразно своему месту в мире и своим способностям. Не призрачный идеализм последует из такого понимания, но могучий импульс для всех его сил, и он будет смотреть на свою деятельность в этом направлении как на нечто столь же естественное, как — в другом отношении — еда и питьё. И также он познает смысл, связанный с существованием сообщества людей, к которому принадлежит. Он поймёт отношения, связывающие его сообщество с другими, и увидит, как отдельный дух каждого сообщества вливается в исполненное духовной цели здание единой миссии всего рода человеческого. От рода же человеческого его познание может перенестись и к смыслу существования всей Земли.

Сомневаться в том, что намеченное в этом направлении мировоззрение должно действовать так, как показано здесь, может лишь тот, кто в него не вникает. Конечно, в настоящее время у большинства людей оказывается мало склонности обращаться к чему-то подобному. Но духовнонаучный образ мыслей неизбежно будет охватывать всё более широкие круги. И чем больше он будет распространяться, тем больше люди будут находить верные средства для содействия социальному прогрессу. В этом нельзя сомневаться на том основании, что, дескать, до сих пор ни одно мировоззрение не принесло счастья человечеству. Ибо согласно законам развития человечества ни в одну из более ранних эпох не могло произойти то, что отныне будет постепенно становиться возможным: сообщение мировоззрения всему человечеству с надеждой на вышеозначенный практический успех.

Прежние мировоззрения были доступны только отдельным группам людей. Однако всё доброе, что происходило доселе в среде человечества, происходило всё-таки из мировоззре-

ний. Ко всеобщему благу может привести только мировоззрение, способное охватить все души и возжечь в них внутреннюю жизнь. И духовнонаучный образ мыслей будет в состоянии сделать это везде, где он действительно отвечает своим задачам. — Конечно, нельзя смотреть лишь на ту форму, которую этот образ мыслей уже принял; чтобы признать сказанное верным, необходимо понять, что духовной науке ещё только предстоит развиваться и подняться к своей высокой культурной миссии.

По многим причинам она до сих пор ещё не может явить тот облик, в котором некогда предстанет. Одно из этих оснований заключается в том, что она должна сперва где-нибудь утвердиться. Поэтому она должна обратиться к определённой группе людей. Естественно, это не может быть никакая иная группа, кроме той, которая благодаря особому характеру своего развития томится по новому решению мировых загадок и которая благодаря предварительной подготовке входящих в неё индивидуальностей может встретить это решение с пониманием и участием. Само собой разумеется, что наука о духе должна предварительно облекать свои сообщения в такой язык, который подходит указанной группе. Но в соответствии с тем, какие условия будут складываться в дальнейшем, наука о духе найдёт формы выражения, чтобы обращаться также и к другим кругам. Только тот, кто непременно хочет иметь дело с застывшими, неподвижными догмами, может полагать, что современная форма духовнонаучных сообщений является неизменной или вообще единственно возможной. — Именно потому, что в случае науки о духе речь не может идти о том, чтобы оставаться одной лишь голой теорией или просто утолять жажду познания, она должна основательно и неторопливо работать в указанном направлении. К её целям относится также и охарактеризованная выше практическая сторона человеческого развития. Но успеха в этом она может достичь только путём создания условий, действительно подходящих для развития. И эти условия не могут быть созданы иначе как через то, что будет найден путь к уму и сердцу каждого отдельного человека. Мир движется вперёд, только когда люди к этому *стремятся*. Но для того, чтобы они к этому стремились, необходима внутренняя работа в душе каждого. А эта работа может совершаться лишь постепенно, шаг за шагом. Если бы это было не так, то и духовная наука не могла бы создать в социальной области ничего, кроме воздушных замков, и не была бы в состоянии совершить никакой практической работы. Более подробная разработка этой темы будет представлена в ближайшем будущем⁴.

⁴ Последнее предложение указывает на то, что планировалось большее число публикаций, но, по-видимому, интерес и отклик аудитории, к которой обращался Рудольф Штайнер, был столь незначительным, что после выхода этой статьи он надолго прекратил выпуск материалов, посвящённых социальному вопросу, вновь вернувшись к данной теме лишь в 1917 году в связи с разработкой им идеи трёхчленности социального организма.

В тетради №88, выходящей в разделе дополнений к полному собранию трудов Рудольфа Штайнера и целиком посвящённой теме социальной трёхчленности, указывается также на две лекции, в которых даны ключи к дальнейшему пониманию основного социального закона: это лекция 26 октября 1905 года в Берлине (входит в состав тетради №88) и лекция 9 апреля 1919 года в Базеле (GA 329). На момент подготовки данной статьи к публикации в 2022 году обе эти лекции на русский язык переведены не были. — *Прим пер.*